

Конечно, последующее его поведение было вызвано не просто красотой Цзи Чжайсина.

Хотя Юнь Лю был близко к Цзи Чжайсину, он в панике отступил на шаг, и лицо мечника полностью открылось.

Ученики секты Минлин, наблюдавшие за происходящим в напряжении, также были поражены, сбиваясь с толку, откуда взялся этот красавец, словно потеряв рассудок.

На мгновение в этом месте даже тяжёлое дыхание стихло, будто любой звук мог спугнуть красавца перед ними.

Практикующие, обладающие дисциплиной, после продолжительного шока начали медленно вспоминать, что этот черноволосый и белокожий красавец был им знаком.

Его образ глубоко засел в их памяти, и лишь малейший намёк мог его пробудить.

— Старейшина Юнь Шу. С этого момента наши чувства друг к другу чисты.

Перед ними стоял тот самый мечник, который отказался стать даосским спутником старейшины Юнь Шу, и на церемонии в день их союза, на Платформе Радости, вырезал свою Дао-кость Хуау, чтобы отплатить за милость.

Если говорить об этом, то Дао-кость, которая сейчас находится в теле дяди Юнь Лю, была получена от...

Юнь Лю был потрясён, его лицо побледнело. Он явно не ожидал, что его самое болезненное воспоминание будет так неожиданно вытасчено на свет.

Цзи Чжайсин также заметил, что взгляды стали слишком горячими. Он увидел, что Юнь Лю выглядит шокированным и потерянным, и, коснувшись своего лица, понял, в чём дело.

...Неловко.

Вероятно, ученикам секты Минлин было ещё более неловко.

Ведь они чуть не стали одной семьёй, а его статус был выше их. И способ, которым Цзи Чжайсин покинул их, не был мягким или тактичным.

Юнь Лю всё ещё был в смятении. Но Тан Хуаймэн уже пришёл в себя, словно хищник, увидевший свежую добычу, его взгляд жадно остановился на Цзи Чжайсине.

Он даже был слегка растерян, сомневаясь, не находится ли он во сне, и всё перед ним — плод его воображения.

Именно в этот момент Юнь Лю сделал шаг, словно собираясь что-то предпринять.

Под воздействием множества воспоминаний зрачки Тан Хуаймэна сузились, словно зверь, защищающийся от атаки, и в одно мгновение он появился перед всеми, резкий звук столкновения магических предметов раздался, когда он вступил в схватку с Юнь Лю.

Удар был настолько силён, что Юнь Лю почувствовал боль в запястье, он отступил, глядя на Тан Хуаймэна, который казался одержимым — их уровни были близки, и этот удар едва не стоил Юнь Лю жизни.

— Ты с ума сошёл? — Юнь Лю, сбитый с толку, больше не мог сохранять образ благородного человека, его голос был резким и холодным.

Тан Хуаймэн ответил, что он действительно сошёл с ума.

Он даже не взглянул на Цзи Чжайсина, его голос был наполнен злобой и жадной мести:

— Что, — Тан Хуаймэн смотрел с накопленной злобой, — когда он вырезал Дао-кость для тебя, он уже почти умер. Теперь ты хочешь убить его во второй раз?

Дао-кость.

Юнь Лю почувствовал, как его кровь замерла, он не мог не вспомнить слова Тан Хуаймэна.

Теперь в его теле, то, что было для него незаменимым, даже важнее, чем духовный корень, что помогло ему преодолеть скорбь и достичь пика стадии Зарождения Души, было получено от другого.

От Цзи Чжайсина. От этого мечника перед ним.

Юнь Лю даже на мгновение почувствовал абсурдную иллюзию, что Цзи Чжайсин пришёл за мездой.

Ведь он должен был ненавидеть его, ненавидеть этого низкого вора, укравшего его Дао-кость.

Цзи Чжайсин, наблюдая за этой сценой, подумал, что это внутренний конфликт учеников старейшины Юнь Шу, и именно поэтому Тан Хуаймэн был так резок.

Он даже мысленно добавил, что это было не для Юнь Лю, а скорее для того, чтобы разорвать связь с Юнь Шу.

— Дао-кость?

Дрожащий голос младшего брата раздался сзади.

Цзи Чжайсин...

Объяснять было нелегко.

Черноволодый мечник с обломком меча в руке выглядел холодным и неприступным, его широкие рукава слегка приоткрывали худое запястье и голубые вены под белой кожей.

Ци Байшань никогда так внимательно не рассматривал своего старшего брата.

И только теперь он понял, что Цзи Чжайсин не был таким неуязвимым, как он представлял. Его фигура была даже слегка хрупкой, тонкая талия и худой позвоночник напоминали Ци Байшаню, что его старший брат был всего лишь юношей, немногим старше его.

Тан Хуаймэн, услышав дрожащий вопрос Ци Байшаня, сжал губы, его выражение стало жёстким. Он не мог понять, почему ученики, ради которых Цзи Чжайсин рисковал жизнью, даже не знали о его ранах. Его взгляд, полный холодного сарказма, остановился на Юнь Лю, и он, словно зритель, вновь пересказал старую историю.

Юнь Лю закрыл глаза, его ресницы слегка дрожали, он выглядел потерянным и жалким. Даже меч в его руке больше не держался, он безвольно опустился.

Не только он, но и все ученики секты Минлин, вспоминая события, связанные с Цзи Чжайсином, испытывали неловкость.

Они, считающие себя лидерами праведного пути, в этом случае чувствовали себя виноватыми.

Цзи Чжайсин, слегка повернув голову, увидел, что его младший брат бледен, а глаза покраснели, и, боясь, что он вот-вот заплачет, лишь вздохнул, решив остановить Тан Хуаймэна, его лицо стало строгим, как у бесчувственного мечника:

— Прошлое не стоит вспоминать, — произнёс черноволодый мечник, его голос был холоден, слова Тан Хуаймэна больше не могли затронуть его сердце. Все его слабости были защищены непроницаемой оболочкой. — Все действия были сделаны по моей воле.

Он простыми словами подвёл черту, словно пытаясь закончить этот разговор.

Но это было не так просто.

Юн Ляньинь, обычно оптимистичный и жизнерадостный, под воздействием этого шока выглядел потрясённым и полным жалости.

Кроме первого недоразумения, он видел только выдающиеся стороны Цзи Чжайсина. Он был самым молодым старейшиной секты Юйшуй, могучим мастером, способным подавить практикующих с Золотыми ядрами одним ударом меча. Юн Ляньинь видел, как все в секте Юйшуй заботились о нём, и думал, что Цзи Чжайсин с детства был окружён любовью и заботой, вырастая в могучего обладателя Золотого ядра.

Но теперь он услышал нечто иное.

Этот черноволосый мечник имел прошлое, от которого сердце сжималось, даже просто слушая краткий рассказ.

Ци Байшань уже не мог сдерживать дрожь — он действительно видел, как старший брат вернулся из Великого мира. Весь в ранах, его белая одежда была пропитана кровью, и даже во сне Ци Байшань чувствовал этот запах.

Ему было больно.

Но он считал это прошлым, которое нужно забыть.

Если бы Ци Байшань знал, что его старший брат когда-то в чужой великой секте подвергся насмешкам, лишился Дао-кости, в один день упал с вершины и вернулся в секту Юйшуй один, он бы возненавидел эти великие секты и жаждал бы мести.

Но он был... слишком слаб.

Ци Байшань, стремясь к большей силе, всё глубже погружался в тьму.

Его глаза, словно вымоченные в крови, пристально смотрели на всех вокруг, видя лишь кровавый хаос.

В этот момент Цзи Чжайсин не заметил странностей в поведении младшего брата, его внимание было сосредоточено на Юнь Лю.

Юнь Лю, обладатель стадии Зарождения Души, больше не защищался от атак Тан Хуаймэна, словно не заботясь о возможных ранениях, он выглядел потерянным.

Как бледный лист бумаги, как призрак, он смотрел на Цзи Чжайсина.

Тан Хуаймэн всё же не убил его.

Не из-за чувства товарищества, а потому что перед учениками секты Минлин он не мог позволить себе убить Юнь Лю.

Волосы Юнь Лю были влажны от пота. Его острый взгляд, направленный на Цзи Чжайсина, больше не был наполнен убийственной яростью, лишь сдержанной опаской и глубоким чувством вины.

<http://bllate.org/book/15565/1385477>